КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ

Январь 1920 года. Комсомольцы Петрограда, воодушевленные недавним письмом — приветствием нашей смене — Владимира Ильича Ленина, обошли все фабрики, заводы и мелкие мастерские, все учреждения и учебные заведения, каждый дом и квартиру в Петрограде — беседовали с молодежью, звали ее вступать в члены Коммунистического союза молодежи и тут же, на месте, проводили выборы делегатов от беспартийных подростков на нашу конференцию.

Все уже сделано, подготовлены докладчики... Но вот срыв — ведь так хотелось, чтобы молодые делегаты впервые в своей жизни побывали на спектакле в бывшей царской Маринке, и послушали Шалаяпина! Но нам сказали, что Шалаяпин болен.

Что делать? Куда теперь пойти? Некуда, кроме как к Марии Федоровне Андреевой. Она заведует театральным отделом исполкома Петроградского Совета.

Мария Федоровна, выслушав просьбу, сразу успокоила нас — спектакль для вас будет!

А вот насчет того, чтобы Шалаяпин пел заглавную партию Олоферна в «Юдифи» для нас, рабочей молодежи Петрограда, и сама Андреева отказалась чем-либо помочь.

Но мы были не из таких, чтобы отступать перед трудностями.

Кто это мы — время представило: Федя Дребезгов, работник горкома комсомола, заведующий культпросветотделом, и я, пишущий эти строки, секретарь райкома РКСМ Второго городского района, на территории которого находились почти все театры Петрограда.

Нам, двоим, было поручено дело со спектаклем, и мы должны были добиться. Поэтому мы сказали Марии Федоровне, что сейчас же пойдем к Шалаяпину на квартиру, и попросили его адрес.

Сначала к нам вышел Дворицин — мы тогда еще не знали, какую роль играл он у Шалаяпина, — не только обрат по искусству, но и вроде управляющий делами.

Выслушав объяснение причин нашего посещения, он сразу ответил отказом. Мы стали настаивать, объясняя, почему полторы тысячи делегатов непременно должны слушать именно Шалаяпина.

Из соседней комнаты кто-то позвал Дворицина. Он ушел туда.

Через несколько минут дверь открылась, и в переднюю вошел высокий, плотный, пожилой мужчина. За ним шел Дворицин.

Вперив в нас грозный взор, Шалаяпин, — а это был он, я его узнал, хотя первый раз видел без грима, — как-то резко, раздельно и угрожающе сказал:

— Вы что, не понимаете русского языка? Я болен, я болен...

Но мы не испугались. Вскочив с места, наперобой стали доказывать, просить его, объяснять ему, что это за конференция, какие надежды мы возлагаем на нее и так далее, и так далее.

Шалаяпин, видно, не ожидал такого напора. Наверное, он думал, что после его грозных слов и взглядов мы, смиренно извинившись за беспокойство, уйдем.

Но не тут-то было. Дворицину даже пришлось подвинуться вперед, как бы на защиту Шалаяпина, особенно против здорового Феда Дребезгова, который торо-

пясь, доказывал и сильно жестикулировал руками.

Уставившись на правую руку Дребезгова, Шалаяпин, перебивая его, спросил:

— Где это вас так угораздило?

Федя Дребезгов, как конь, остоявленный на всем скаку, поднял свою руку, где, вместо целой кисти правой руки была культя с одиноко торчавшими врозь всего двумя крайними пальцами, посмотрел на нее и, все еще оставаясь во власти возбуждения, вызванного спором, как-то нехотя и вяло ответил:

— На фронте. В Красной Армии.

Шалаяпин еще раз посмотрел на Феда и повернулся в мою сторону. Я был на три года моложе Феда, тоже побывал на фронте, но остался невредим.

Как-то искоса оглядев ме-

Ветеран партии вспоминает о встречах с Максимом Горьким и Федором Шалаяпиным в красном Петрограде

ня, Шалаяпин снова обратился к Дребезгову:

— Вы что же, беспартийные? Потому что мне пришлось? Я ведь тоже беспартийный.

— Нет, мы-то уже коммунисты, — солидно возразил Федя, — но мы хотим и добиваемся, чтобы молодежь вступала в комсомол, чтобы и молодые становились коммунистами.

— Ну, ну, — как-то задумчиво проговорил Федор Иванович, — все постепенно становимся коммунистами.

Помолчав немного, как-то уже по-мирному стал расспрашивать, какой спектакль мы думаем взять для своей конференции.

Узнав о том, что мы выбрали «Юдифь», Шалаяпин спросил:

— А вы сами-то слушали эту оперу Серова?

— Нет, не приходилось.

Порасспросив еще немного о том, что мы видели в театрах, Шалаяпин встал и, уже уходя, сказал:

— Ну вот что, ребята. Я согласен петь для вас Олоферна, но только без воинственной песни. Об остальном толкуйте с Исаем.

И ушел в комнаты...

От радости мы прямо онемели. Наконец-то добились! Смущало одно: что за воинственная песня, которую не хочет петь Шалаяпин? В чем тут дело? Хотели тут же спросить об этом Дворицина, но он уже что-то писал, сидя на большом сундуке тут же в передней, где и происходила вся эта сцена.

Закончив писать, Дворицин сказал:

— Передайте Марии Федоровне о согласии Федора Ивановича петь для вас. А вот это все нужно доставить сюда, на квартиру.

Выйдя из квартиры, Федя развернул записку. Я заглянул через плечо и в полутьме лестницы успел разобрать:

...сахара десять фунтов, масла...

Мы с ужасом переглянулись. В записке перечислялись продукты, давно нам незнакомые, забытые за годы голода. Да еще в таких количествах.

Исполнить записку Дворицина для нас казалось труднее, чем перебраться на Луну Исаакиевский собор...

Мария Федоровна Андреева была очень удивлена и обрадована нашему успеху. Объяснила нам, что представляет собою воинственная песня Олоферна, и весело сказала:

— Поезжайте в Маринку и

заберите весь комплект билетных книжек на «Юдифь»!

Но не увидев никакой радости на наших вытянутых, унылых лицах, спросила:

— Что случилось? Говорите!

Дребезгов тихонько подвинул к ней сложенную записку Дворицина.

Мария Федоровна прочла записку и сразу помрачнела, как-то неодобрительно взглянув на нас, как на виновников этой неприятности.

— Оставьте это мне. Вам нечего об этом думать! — сказала она.

А В ЭТО время конференция беспартийной молодежи в Смольном уже не первый день проходила с большим успехом. Все доклады и вопросы повестки дня обсуждались горячо и принимались подростками близко к сердцу.

Большинство делегатов конференции изъявляли желание вступить в комсомол, обещали активно работать, помогать Советской власти. А их впечатления от спектакля превзошли все ожидания. И хотя либретто оперы «Юдифь» было написано на сюжет библейской легенды, но мотивы борьбы угнетенных против своих поработителей, а, главное, музыка Серова, ее возвышенный, героический пафос, могучая широта хорových народных спев, цельность образов в мастерском исполнении таких артистов, как Шалаяпин и Кобзарева (Юдифь), звучание великолепного оркестра (капельмейстер Похитонов), прекрасные декорации и постановка так сильно подействовали на молодых делегатов.

А мы с Федей сидели в первых рядах и с замиранием сердца ждали того кульминационного момента, когда должна начинаться воинственная песня Олоферна, хотя именно нам было сказано Шалаяпиным, что он на этом спектакле не будет исполнять эту песню.

Несмотря на это, мы все-таки ждали...

И вот мы толкаем друг друга локтями, слышим: Шалаяпин начал свою арию — воинственную песню Олоферна... Федор Иванович сделал для нас больше, чем обещал!

Прошло меньше года со дня спектакля для рабочей молодежи. За это короткое, но очень емкое в те революционные дни время много событий произошло, много дел совершилось. В том числе и то, что рабочей молодежи Петрограда не один раз привелось слушать великого артиста.

Выступления Шалаяпина в спектаклях для трудящихся красного Петрограда стали постоянными и само собой разумеющимися.

Но видеть Федора Ивановича и говорить с ним в домашней обстановке мне удалось еще раз только в конце 1920 года.

Воодушевленные речью Владимира Ильича Ленина о задачах союзов молодежи, мы, делегаты Третьего Всероссийского съезда комсомола, возвратившись в Петроград, горели желанием передать все его мысли и наказы всей молодежи, умножить комсомольские ряды, объединить усилия и скорее приступить, наконец, к мирному строительству.

Этим задачам мы решили посвятить новогодний номер

нашего комсомольского журнала рабочей молодежи, носившего название «Юный пролетарий».

В этом же номере журнала думали мы напечатать пожелания пролетарской молодежи на новый 1921 год, которые мы хотели собрать у замечательных людей революционного Петрограда.

Распределили между собой адреса этих людей, и мне достался адрес Максима Горького на Кронверкском проспекте.

Идти туда мне было не страшно, потому что с Алексеем Максимовичем мне приходилось встречаться на митингах и собраниях тех дней.

Войдя в комнату, я увидел, что с Горьким был Шалаяпин. Встретив меня как знакомого, Алексей Максимович представил меня Шалаяпину. Я осмелился сказать, что уже встречался с Федором Ивановичем.

— Где же это? — спросил он.

— Да в начале этого года. Вместе с вашим тезкой Федей Дребезговым просили вас петь в «Юдифи»...

— А... — оживившись, протянул Шалаяпин, — вспоминаю, это такой красивый парень с изувеченной рукой...

— Он самый.

— А что же он не пришел? — спросил Шалаяпин.

— Да он теперь не работает в комсомоле. Федя пошел в артисты.

— Да ну? Он что же, поет?

— Нет, в драматической студии Морозова. Они выступают на сцене Пролеткульта.

— Трудно будет ему. Да еще с такой рукой. Артист должен быть красивый и цельный. Ну да если есть призвание... Передавайте ему от меня, старого знакомого, привет и добрые пожелания...

Прослушав этот оживленный разговор, Алексей Максимович, усмехаясь, спросил меня о цели моего посещения.

На мою просьбу написать пожелания пролетарской молодежи на 1921 год он поднял крышку большого блокнота и задумался.

Обдумав и быстро написав, Горький вырвал лист из блокнота и протянул мне. А блокнот передвинул через стол к Шалаяпину.

— Я ведь не политик, — возразил Шалаяпин.

Все-таки он склонился над блокнотом. А я тем временем жадно читал, что написал Алексей Максимович:

«Пролетарской молодежи на 1921 год.

Будущее твое, юность, и от тебя зависит наполнить его тем или иным содержанием.

Если б тебе удалось сделать будущее менее грозным, кровавым и бесчеловечным, чем прошлое и настоящее!

М. Горький».

Подал мне свой листок и Федор Иванович. Но прежде меня его перехватил Алексей Максимович и вслух прочел:

«Знание, правда и красота — вот те друзья, с которыми жизненный путь — удовольствие».

Федор Шалаяпин».

Оба эти пожелания — Алексея Максимовича Горького и Федора Ивановича Шалаяпина — были напечатаны в новом номере журнала «Юный пролетарий» за 1921 год (№ 1—2).

Печальюсь об одном — мы не сохранили автографов этих пожеланий. В те огненные, грозные революционные годы мы слишком мало придавали этому значению. И напрасно...

П. УСАНОВ,
член КПСС с 1919 года.